

Поэтическая система Державина

Предтекстовые задания

1. Каких русских поэтов-одописцев 18 века вы помните? Найдите по одному примеру оды каждого из них.
2. Что такое торжественная ода? духовная ода? горацянская ода? анакреонтическая ода? Найдите по два примера каждого жанра из русской поэзии начала и середины 18 века.
3. Что такое гедонизм? Какое понятие является его антонимом?
4. Что такое львовско-державинский кружок? Какие писатели, кроме Г. Р. Державина, в него входили? Изучите биографии этих писателей.
5. Какие русские поэты 18 века до Державина испытали сильное влияние Горация?

Лекция

Когда говоришь о поэзии Державина, то хочется использовать понятие «лирическая» или «поэтическая система». (1) Применительно к более ранним поэтам, даже самым великим – таким как Тредиаковский, Кантемир, даже Ломоносов и Сумароков – это понятие все-таки не действует. Их поэзия, при всем совершенстве, глубине и оригинальности, не является все-таки лирической системой, это настоящая риторическая поэзия. Поэзия же Державина, при всей своей риторичности, вместе с тем формирует новое, лирическое свое содержание, поэтому и может быть названа поэтической системой. А Державина можно назвать, в целом, едва ли не первым русским лирическим поэтом, стоящим у истоков поэзии 19 и 20 веков. В разгар своей поэтической славы, в 1796 году, Державин обращается к знаменитой оде Горация «Elegi monumentum» (30 ода из 3 книги горацянских од) и предлагает свое собственное, уже не первое в русской поэзии, переложение этой оды. (2) «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный, металлов тверже он и выше пирамид. Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный, и времени полет его не сокрушит. Так весь я не умру, и часть моя большая, от тлена убежав, по смерти станет жить, и слава возрастет моя, не увядая, доколь Славянов род Вселенна будет чтить». И действительно, поэзия Державина оказалась своего рода памятником, памятником слома двух литературных, поэтических эпох: 18 и 19 веков, недаром поэзия Державина развивалась как в 18, так и в 19 веке. Надо сказать, что многими сторонами своей личности Державин был близок именно 18 веку. Так, он был писатель-государственный деятель, писатель-вельможа, и особенно высоко ценил он именно свои общественные успехи, именно свою замечательную государственную карьеру. «За слова меня пусть гложет, за дела сатирик чтит», - говорил Державин, и сам действительно гордился своими успехами. И было чем гордиться. Сын совершенно незаметного и бедного

дворянина, выросший в среде, напоминающей семью капитана Миронова, бессмертно описанную Пушкиным в «Капитанской дочке», Державин достиг действительно подлинного успеха. Он был Олонецким губернатором, затем губернатором в Тамбове, он был статс-секретарем императрицы по принятию прошений, он был сенатором, президентом коммерц-коллегии – выражаясь современным языком, министром промышленности и финансов, наконец, он стал министром юстиции. Конечно, Державин не был подлинным вершителем государственных судеб. Его невозможно сравнить с братьями Орловыми, Потемкиным, Зубовым, Безбородко или А. Р. Воронцовым. Но вместе с тем, он не был просто придворным поэтом, как до него Ломоносов, а позднее, в 19 веке – В. А. Жуковский. Он был настоящий и крупный государственный деятель. И именно в качестве такого государственного деятеля он и оказался на памятнике Екатерине, он не просто «певец Фелицы», он ее настоящий сподвижник. И, наверное, ни один из русских писателей, не только в 18, но и в 19, и в 20 веке – если говорить о подлинных писателях – не совершал такой замечательной государственной карьеры.

Эта карьера ясно показывает в Державине человека своего времени, когда сама по себе поэзия, само по себе занятие литературой было еще все-таки недостаточным. Связь с 18 веком обнаруживается и в поэзии Державина. Действительно, поэзия Державина обращена и к привычным для 18 века жанрам, в ней мы обнаруживаем и привычные топоры, привычные формулы, она часто строится по риторическим правилам. Поэт как бы развертывает те или иные риторические стратегии, создавая рассудительную поэзию. Но вместе с тем, наряду с этой связью с прошлым, в поэзии Державина совершенно ощутимо заметно новое лирическое качество. И надо сказать, что сам Державин прекрасно понимал, что его поэзия начинает совсем новый этап в истории русской литературы. В одном из набросков своей автобиографии, называя себя в третьем лице, очевидно из уважения к самому себе, Державин пишет, что в молодые годы «он хотел подражать господину Ломоносову, но не мог постоянным набором красивых слов выдержать единственно российскому Пиндару свойственных велелепия и пышности, а потому в 1779 году он избрал совсем особый путь». В чем же состоит этот «особый путь», избранный Державиным, начиная с 1779 года? В самом общем виде можно сказать, что Державин отказывается от чисто риторического принципа поэтического творчества. Он переходит от рассуждений, от размышлений по тем или иным поводам к прямому и непосредственному лирическому описанию, к выражению того, что чувствует личность, что чувствует человек, поэт, сталкиваясь с тем или другим явлением. **(3)** С этой лирической описательностью державинской поэзии и связаны ее важнейшие качества, которые оказались новыми для поэтического дискурса 18 века и которые, в конечном счете, обуславливают необычайно значительное место, которое

Державин занимает в русской литературе. Во-первых, это особая эмоциональная напряженность, создающаяся риторическими фигурами, образностью, прежде всего, метафорами и метонимиями. Во-вторых, это красочность. До Державина, в принципе, поэзия была черно-белой, она была графической. Начиная с Державина, поэзия обретает подлинную многоцветность, и с особым чувством Державин как раз обращается к описанию разных красочных пейзажей, разных красочных элементов мира, которые он замечает. И наконец, и это самое основное, в связи с переходом Державина от риторической к лирической поэзии в центре его поэзии, в центре его поэтической системы оказалась личность.

Именно вокруг личности и строится поэзия Державина. При этом эта личность, которая оказывается центральным нервом создаваемой лирической системы поэта, раскрывается в разных ракурсах, в разных аспектах. Прежде всего, это бытовой аспект. Надо сказать, что Державин действительно оказался первым русским поэтом, о жизни, быте которого, привычках, вкусах и жизненных интересах мы можем судить по его поэзии. Конечно, не нужно думать, что лирический герой Державина отражает подлинного Гаврилу Романовича, но этот лирический герой чрезвычайно конкретен: мы знаем, что он любит хорошо и вкусно поесть, часто думает об обедах и приглашает на обеды своих друзей, он не враг бутылки, он любит наслаждаться красотой, любит проводить время в спокойном уединении, смотря на пляшущих девушек, любуясь красотой пейзажа. Во-вторых, личность, которая стоит в центре державинской поэзии, раскрывается в своем биографическом аспекте. И действительно, из державинских стихов мы узнаем о биографии поэта. Мы знаем, что он был беден и своим трудом достиг почестей; мы знаем, что часто и к поэзии он обращался вынужденно, стремясь упрочить свое государственное положение, свою карьеру. «Кто вел его на Геликон и управлял его шаги? – писал он сам о себе, - Не школ витийственных содом: природа, нужды и враги». Мы знаем факты его личной биографии. Мы знаем, что Державин был счастливо женат, он очень любил свою жену, которую называл поэтическим именем Пленира. После смерти Катерины Яковлевны он женился во второй раз, и вновь в его поэзии возникает поэтический образ, на этот раз второй жены – Милены. Читая предшественников Державина – Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, мы ничего не узнаем об их личности. Как известно, Сумароков был трижды женат, и два последних раза – на крепостных девушках. Это уникальное явление для 18 века, но ни одного слова в своей поэзии он об этом не сказал. В державинской же поэзии, наряду с бытовой личностью, биографическая личность занимает чрезвычайно большое место, и, читая подряд его оды, мы действительно знакомимся с человеком, с его привычками, жизнью, судьбой. Но мы знакомимся не только с привычками и жизнью человека, мы знакомимся с мировоззрением той личности, которая смотрит широко открытыми глазами вокруг себя и которая

изображает в своих замечательных стихах то, что она ощущает, то, что она переживает, воспринимая окружающую действительность.

Это мировоззрение, которое раскрывается в стихах Державина, оказывается очень сложным. В нем, в принципе, нет ясности, нет четкости, нет однозначности. Это мировоззрение, которое строится на глубоком и непримиримом противоречии, когда полюса этого мировоззрения трудно соединимы. В чем же состоит это противоречие, и как его можно описать? В самом общем виде, следует сказать, что в поэзии Державина сталкиваются два совсем разных мироощущения. С одной стороны, это настоящее гедонистическое мироощущение. Державин чувственно воспринимает мир, он наслаждается этим окружающим миром. Его радует красота природы, его радует быстрый поток, который при свете заходящего солнца становится пурпурным, золотым и огнистым, его радует вкусная еда, его радует жизнь, которую он ощущает. И, наверное, ни один из русских писателей, может быть, не считая Бунина, не обладал такой повышенной чувственностью восприятия мира. Он воспринимает мир, действительно, всеми своими пятью чувствами и наслаждается этой многообразной, многоцветной, роскошной и удивительной в своем роскошном многообразии жизнью. С другой же стороны, чувственно, гедонистически воспринимая мир, державинский лирический герой, та личность, которая оказывается в центре державинской лирической поэзии, все время живет в ощущении смерти. На каждом шагу, в любой момент своей жизни она ощущает приближение небытия. На балу, на пиру, в тиши семейного кабинета – всюду перед глазами человека стоит смерть, которая точит свою косу и которая ждет момента, чтобы внезапно закончить жизнь человека. Наиболее ясно, наиболее сильно это непрерывное ожидание смерти выражено в знаменитой оде Перфирьеву «На смерть князя Мещерского». Через всю эту оду проходит одна мысль, одно ощущение – ощущение смерти, которая стоит перед каждым человеком. Каждый человек «приемлет с жизнью смерть свою, на то чтоб умереть, родится». И все в жизни умрет: потухнут солнца, разрушатся города, погаснут звезды, разрушится Вселенная. Только человек горделиво не хочет замечать смерть. «Не мнит лишь смертный умирать, и быть себя он вечным чаёт. Приходит смерть к нему, как тать, и жизнь внезапно похищает». Это ощущение смерти, которая «приходит, как тать, и жизнь незапно похищает», оказывается вторым, не менее важным, чем первый, полюсом мировоззрения державинского лирического героя. Возникает глубокое противоречие между стремлением к наслаждению жизнью и ощущением неизбежности, неизбежности и внезапности смерти. И можно сказать, что лирическая система Державина и строится как попытка преодолеть это противоречие.

При этом Державин, пытаясь преодолеть возникающее здесь противоречие, предлагает сразу несколько путей. Первый путь – это путь религиозный. Действительно, вера в

Спасителя, в христианское мироощущение делает человека бессмертным, человек перестает бояться смерти, ибо он обладает вечной душой. «Ты есть, и я уж не ничто», - вот ответ, религиозный ответ, который дает Державин в своей знаменитой оде «Бог». И это действительно какое-то решение возникающего в сознании лирического героя противоречия, но решение все-таки не окончательное. Бесспорно, что для Державина как для христианина человек оказывается бессмертен. Но ведь он бессмертен как нечто уже бесплотное, бессмертна его душа, которая не будет восхищаться красотой жизни, которая уже не будет чувственно наслаждаться жизнью, ибо у нее уже не будет чувств. Поэтому, несмотря на бесспорность для Державина религиозного решения проблемы бессмертия, его поэтическую систему это решение не удовлетворяет, христианский ответ на вопрос о преодолении смерти не снимает напряжения между чувственным восприятием мира и непрерывным ожиданием смерти. В связи с этим, наряду с религиозным решением проблемы, Державин предлагает второе, как бы параллельное решение, связанное, прежде всего, с анакреонтическим и гораццианским началом в его творчестве. Смерть можно победить, если ты прожил жизнь правильно: если ты не гнался за ненужными почестями, не стремился к чрезмерному богатству, если ты жил так, чтобы каждое мгновение твоего дня, каждая прожитая тобой минута оказывалась бы не потерянной. Если в любой миг своей жизни ты восхищаешься окружающей действительностью, если каждую секунду ты испытываешь наслаждение от этой прожитой тобой секунды, то смерть как бы отступает. Когда она предстанет перед тобой, ты сможешь смело сказать: «Я недаром прожил жизнь», и уход из жизни будет относительно безболезненным. Это, так сказать, гедонистический ответ на проблему соотношения смерти и чувственных радостей человеческой жизни. Он, так же как и христианское решение, в какой-то степени позволяет смягчить противоречие между смертью и радостью бытия, но смягчить все-таки только отчасти. Пусть человек уходит из жизни спокойно, пусть он не испытывает ненужных и бесплодных сожалений по поводу неправильно прожитой жизни. Но он все равно уходит, все равно он умирает, и на смену многокрасочной жизни приходит некоторое небытие. Поэтому этот второй ответ, вторая попытка снять противоречие между смертью и радостным восприятием действительности в державинской лирической системе оказывается не вполне успешной. Поэтому Державин пытается найти какой-то особый выход и находит его, в известной мере, в проблеме поэтического бессмертия. Поэт – это особый человек, поэт занимает совершенно исключительное место среди людей. В какой-то степени, он богоизбранная личность. Державин едва ли не первый в русской литературе послепетровского времени выразил уже преромантическое понимание поэтического творчества. Выразил он его и в своих стихах, и в более прямых суждениях, в частности, в своей биографии. В своей биографии, описывая свое

младенчество, Державин говорит о том, что он хорошо помнит себя с самого младенчества и помнит, как он произнес первое слово. «Младенец, - пишет он, вновь повторяю, называя себя в третьем лице, - долгое время не говорил. Однажды его вынесли поздно вечером на крыльцо дома, он посмотрел на небо и увидел комету, которая в то время висела над Казанью, где жил Державин. И увидев эту хвостатую звезду, младенец протянул к ней руку и, указав на нее пальцем, сказал свое первое слово, произнес впервые человеческое слово. Это слово было «Бог». С точки зрения Державина, этот эпизод очень важен. Произнеся первое в своей жизни слово – «Бог», - Державин тем самым показал свою отмеченность Богом, отмеченность как исключительного поэта. (4) И как отмеченный Богом исключительный человек, как поэт, занимающий особое место среди других людей, лирический герой державинских стихов может оказаться бессмертным. Об этом очень прямо говорится в одной из самых замечательных, довольно поздних державинских од, в оде 1804 года «Лебедь», которая тоже является переложением 20 оды Горация из второй книги горацянских од.

Необычайным я паренъем
От тленна мира отделиюсь,
С душой бессмертною и пенъем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.
В дwoяком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.
Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен,
И самой смертью предпочтусь.
Не заключит меня гробница,
Средь звезд не обращаюсь я в прах,...

... и так далее. Этот грандиозный образ поэта, который не истлевает, не становится прахом, воспринимается нами как удивительная поэтическая метафора – среди звезд, в бесконечном космическом пространстве витает его бессмертная душа, он сохранил свой бессмертный человеческий облик. Однако сам Державин, и это очень существенно, понимал эти слова несколько по-другому. Он понимал их исключительно в прямом и конкретном смысле. Как известно, Державин не совсем доверял своим читателям, поэтому он снабжал

свои оды комментариями, истолковывая те или иные их места. И вот фраза «Не заключит меня гробница, средь звезд не обращусь я в прах» комментируется Державиным следующим образом: «В этих словах я хотел сказать, что я не истлею, как я не истлею, как другие люди, в гробу, но среди своих орденских звезд я останусь нетленным, мое тело не подвергнется тлению». Поэт – почти то же самое, что святой, и поэтическое творчество позволяет человеку преодолеть смерть, стать бессмертным. Это глубокая мечта Державина, и, наверное, в поэзии Державина именно этот, третий путь преодоления внутреннего противоречия, лежащего в основе его лирической системы, оказывается наиболее важным. Но все-таки это утопия, все-таки в душе Державин понимает, что и он истлеет. В конечном счете, противоречие, определяющее лирическую систему Державина, оказывается до конца неразрешимым, и наиболее ясно об этом свидетельствуют последние строки, написанные великим поэтом. В 1816 году уже дряхлый, умирающий поэт, живший в то время в своем имении Званка на Волхове, начинает писать новую оду, которой он дает чрезвычайно знаменательное название: «На тленность». Идея тлена, смерти с самого начала до самого конца не оставляет Державина. Написав на грифельной доске – а Державин часто писал грифелем на грифельной доске – Державин отложил работу над одой, и эта строфа оказалась последними написанными Державиным поэтическими строками. Очень скоро Державин занемог и покинул земной мир, скончался. Ода «На тленность», первая строфа этой оды, оказалась, тем самым, своеобразным поэтическим завещанием поэта, завещанием, при этом, чрезвычайно грустным, я бы даже сказал, пессимистическим, завещанием, которое прямо свидетельствует о том, что поэту, несмотря на все свои усилия, не удалось преодолеть то глубокое противоречие, которое лежит в основе его лирической системы.

Река времен в своем теченьи
Поглотит все дела людей
И топит в омуте забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

По существу, все в мире истлеет, и ничто не сможет преодолеть «веком завистливую даль», как сказал о времени Пушкин. Ода «На тленность» действительно свидетельствует о неразрешимости внутреннего противоречия, и это, конечно, является определенной

логической слабостью поэта. Но, являясь некоей логической слабостью державинского мировоззрения, это сохранявшееся в его поэзии противоречие придает его стихам в целом особую жизненность. Стоит вспомнить слова Гегеля о том, что именно противоречие оказывается источником всякого движения. Более того, именно противоречие есть критерий истины. И противоречие, которое лежит в основе державинской лирической системы, делает эту лирическую систему живой, и поэзия Державина, тем самым, оказывается истинной, то есть прекрасной – живым фактом русской литературы. Это, в известной мере, и выделяет Державина среди других великих поэтов 18 века. Не следует думать, что Державин – лучший поэт 18 века. Вообще, применительно к искусству трудно сказать, кто лучше, а кто хуже. В конечном счете, все зависит от наших вкусов, привычек, воспитания, эстетического воззрения и эпохи, и решить этот вопрос невозможно, более того, даже ставить его бессмысленно. Для нас, говоря о Державине, важно другое. Среди своих великих современников, таких как Кантемир, Тредиаковский, Сумароков, Ломоносов, В. Петров, И. Дмитриев – называем и старших, и младших современников Державина – Державин выделяется своим особым внутренним напряжением. Его поэзия производит впечатление подлинной жизни, это не литературный памятник, не застывшее в своем эстетическом совершенстве явление, а это реальный факт поэзии. И не случайно поэтому к Державину обращаются многие поэты и 19, и 20 века. Так, например, Державин был едва ли не самым важным русским поэтом для Ф. И. Тютчева. Необычайно важен Державин для Вячеслава Иванова, и не случайно Л. В. Пумпянский называл Иванова «Державиным 20 века». Тут же возникает имя Велимира Хлебникова, с другой стороны – Владимира Маяковского. А если говорить о более близкой нам эпохе, то, конечно, нельзя не назвать имя Иосифа Бродского – поэта, прямо и непосредственно использовавшего державинский поэтический опыт. Не случайно Тимур Кибиров назвал один из своих сборников «Памяти Державина». Державин – это живая эстетическая реальность, живой факт современной литературы.

Притекстовые задания

1. Вспомните по два стихотворения А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова.
2. Найдите краткие биографические сведения о каждом из упомянутых государственных деятелей: Г. Г. и А. Г. Орловых, Г. А. Потемкине, П. А. Зубове, А. А. Безбородко и А. Р. Воронцове.
3. Вспомните, кто из писателей 18 века, кроме Державина, был государственным или общественным деятелем.
4. Что такое топос? Найдите в поэзии Державина примеры топосов, которые встречаются в поэзии Ломоносова.
5. Кто такой С. В. Перфильев, и почему Державин посвятил ему оду «На смерть князя Мещерского»?

Послетекстовые задания

1. Почему применительно к поэзии Державина уместно использовать понятие «лирическая система»? Перечислите наиболее важные черты лирической системы Державина.
2. Как сочетались в жизни Державина карьера и писательская деятельность? Как развивалась государственная карьера Державина в течение его жизни?
3. «Забавный русский слог» – откуда взята эта характеристика державинского стиля и что она означает? Приведите примеры «забавного русского слога» из поэзии Державина.
4. В чем состоит реформа торжественной оды, осуществленная Державиным?
5. Как решается Державиным в его поэзии тема смерти?

Задания для самостоятельной работы

1. Найдите 5 примеров метафоры и 5 примеров метонимии в поэзии Державина.
2. Сравните 3 текста – «Я знак бессмертия себе воздвигнул...» М. В. Ломоносова, «Памятник» Г. Р. Державина, «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» А. С. Пушкина. Чем отличаются эти тексты с точки зрения содержания и с точки зрения поэтики?
3. Поэзия Державина отличается повышенной «колористичностью». Назовите его любимые цвета (приведите примеры из поэзии).

Тесты

1. В каких военных действиях участвовал Державин?
  - а) Семилетняя война
  - б) подавление пугачевского восстания
  - в) Альпийский поход
  - г) русско-шведская война
2. Под какими именами Державин воспевал Екатерину II?
  - а) Минерва
  - б) Клеопатра
  - в) Мельпомена
  - г) Фелица
  - д) Пленира
  - е) Милена
  - ж) Гремислава
3. Кто из перечисленных писателей входил в львовско-державинский кружок?
  - а) В. В. Капнист
  - б) М. М. Херасков
  - в) И. И. Хемницер
  - г) Н. И. Новиков
  - д) В. И. Майков
  - е) А. П. Сумароков
4. Губернатором каких губерний Российской империи был Державин?

- а) Олонецкая
- б) Новгородская
- в) Казанская
- г) Тамбовская
- д) Таврическая

5. Кому из античных авторов подражал Державин?

- а) Гомер
- б) Вергилий
- в) Аристофан
- г) Гораций
- д) Анакреон
- е) Апулей

6. К образам каких исторических деятелей обращался Державин в своей поэзии?

- а) Б.-Х. Миних
- б) Г. А. Потемкин
- в) А. В. Суворов
- г) В. Н. Татищев
- д) П. А. Румянцев
- е) И. И. Шувалов
- ж) А. Д. Меншиков

7. Какие из перечисленных стихотворений Державина являются переложениями поэтических произведений Горация?

- а) "Ласточка"
- б) "Лебедь"
- в) "Евгению. Жизнь Званская"
- г) "Похвала сельской жизни"
- д) "Памятник"
- е) Разные вина

8. В каких из перечисленных стихотворениях Державина возникает тема Екатерины II?

- а) "Снигирь"
- б) "Изображение Фелицы"
- в) "Видение Мурзы"
- г) "Бог"
- д) "Развалины"
- е) Властителям и судиям

9. В державинской оде "Ключ" содержится комплимент:

- а) М. В. Ломоносову
- б) А. П. Сумарокову
- в) М. М. Хераскову
- г) В. К. Тредиаковскому
- д) И. И. Дмитриеву

10. Начало своего "особого пути" как поэта сам Державин относил к:

- а) 1773 году
- б) 1776 году
- в) 1779 году
- г) 1782 году
- д) 1784 году

Биография

ДЕРЖАВИН Гаврила Романович (03.07.1743, Казань — 08.07.1816, с. Званка Новгородской губ.; погребен в Хутынском монастыре). Поэт, государственный деятель. Большую часть жизни провел в СПб; в поэзии Д. впервые проступает реальный городской пейзаж СПб и его окрестностей.

Происходил из мелкопоместного дворянского рода: отец Д. дослужился до секунд-майора. Зимой 1759 Д. поступил в Казанскую университетскую гимназию, где вскоре отличился как способный рисовальщик. Среди лучших учеников гимназии Д. исполнял чертежи и карты Казанской губ. В феврале 1762, до окончания гимназического курса, Д. был отозван в СПб на службу в Преображенский полк, куда был записан солдатом. Несмотря на тяжесть службы в рядовых, Д. продолжал чтение рус. и нем. поэтов, по просьбе неграмотных товарищей по казарме им составляются стихотворные послания «просто на крестьянский вкус». 15 мая 1763 Д. был произведен в капралы; дальнейшее продвижение Д. по службе шло медленно (в 1767 — произведен в сержанты, в 1771 — в фельдфебели, в 1772 — в прапорщики, в 1773 — в подпоручики, 21 апреля 1774 — в поручики) главным образом из-за отсутствия покровителей.

Живя с 1764 в казарме уже «с своими братьями дворянами» и постепенно втягиваясь в карточную игру и «прочие шалости», Д. не оставляет занятий поэзией. По-видимому, в этот период (1764-1766) в творчестве Д. осуществился переход от силлабики к силлаботонике, изучаемой им по «Новому и краткому способу к сложению российских стихов» В. К. Третьяковского (с которым он встречался в доме своего товарища по Казани И. П. Осокина), а также на образцах М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова. Лишь в нач. 1767 Д. удалось создать первые «правильные ямбические гекзаметры» (надпись «На проезд Екатерины II через реку Мохость», вероятно, первый панегирик Д.; не сохранилась). В нач. 1767 вместе с полком стоял в Москве, откуда весной 1767 отпросился в отпуск к матери и был свидетелем торжественного прибытия Екатерины II в Казань (надписи «На шествие императрицы в Казань», «На маскарад, бывший в Казани»). Вероятно, к этому периоду относится первая ода Д. Екатерине II. После возвращения в Москву в июле — декабре 1768 Д. был приписан секретарем в Комиссию по составлению нового Уложения. Возможно, тогда состоялось знакомство Д. с А. П. Сумароковым, в доме которого, по словам И. И. Дмитриева, Д. бывал, что не мешало ему метить в стареющего поэта эпиграммами. В марте 1770, когда в Москве уже начиналась чума, Д. выехал в СПб. Во избежание задержки на карантинной заставе, возникшей из-за багажа, Д. сжег, по его словам, сундук со всеми своими рукописями. Сохранилась лишь небольшая часть произведений раннего периода творчества Д., основу которой составляют любовные песни.

В 1773 состоялось первое литературное выступление Д. — перевод с нем. «Ироида, или Письмо Вивлиды к Кавну» («Старина и Новизна». Ч. 2). Осенью 1773 Д. издает (как и все произведения до 1784 без подписи) оду «На всерадостное бракосочетание их императорских высочеств. Сочиненная потомком Аттилы, жителем реки Ра». Сразу после известия о восстании Пугачева Д., напросившись на службу в секретную следственную комиссию, возглавляемую А. И. Бибиковым, отправился в Оренбургский край. Здесь, в городке нем. колонии Шафгаузен, весной 1774 и весной 1775 Д. были созданы «Оды, сочиненные и

переведенные при горе Читалагае» (4 прозаических перевода нем. од Фридриха II и 4 оригинальные оды, изд. 1776), составившие важный этап в становлении нового одического стиля. В июне 1775 Д. вернулся в полк, стоявший в Москве, и в начале октября вместе с полком — в СПб. Обойденный в чинах и наградах, Д. в июле 1776 подал прошение на имя императрицы и 1 января 1777 был произведен в капитан-поручики. Однако 15 февраля он был переведен в статскую службу с чином коллеж. сов. и с имением в 300 душ. 15 августа 1777, благодаря знакомству с генерал-прокурором Сената кн. А. А. Вяземским, Д. получил место экзекутора 1-го Департамента Сената, (в 1780 переведен в новоучрежденную Экспедицию о государственных доходах, для которой составил инструкцию; с 1782 — стат. сов.). 30 августа 1777 во время крестного хода по Невскому проспекту Д. впервые увидел свою будущую жену Екатерину Яковлевну Бастидон (бракосочетание состоялось 18 апреля 1778). Через жену, подругу М. А. Дьяковой, Д. познакомился с Н. А. Львовым, И. И. Хемницером, В. В. Капнистом и П. Л. Вельяминовым. Благодаря Львову Д. с февраля 1779 становится постоянным автором «С.-Петербургского вестника», помещая в нем сначала стихотворения 1767-1777 (среди них: «Пикники», «Модное остроумие», «Кружка»), а с осени 1779 новые оды: «На смерть кн. Мещерского», «Ключ», «На рождение в Севере Порфирородного отрока» (1779. Сентябрь — декабрь). Эти оды открывают зрелый период творчества Д., когда, по его словам, он «избрал свой собственный путь», направленный на принципиальное обновление лирики. Перевод лирического начала в новый план индивидуального, личностного «я» позволил Д. существенно расширить тематику оды, дав в ней место лирическим отступлениям, философским размышлениям, сатирическим характеристикам. Соответственно изменился стиль оды, «смешанный» из высокого, среднего и даже низкого. Это проявляется как в языке, так и в поэтической интонации, с характерными для Д. резкими переходами от возвышенного пророческого тона к тону просторечному. Классический идеал соразмерности, ясности и прозрачности стиля разрушается. Слово, потеряв свою жанрово-тематическую связь и вместе с ней заведомую определенность, становится в поэзии Д. живым и трудно управляемым (отсюда происходит постоянная на протяжении всей жизни правка Д. своих сочинений, в которой ему помогали Львов, Дмитриев и др.), приобретая нередко чувственную конкретность. С этим связано широкое использование Д. звукоподражания и аллитераций, характерна также для него пластичность и яркая живописность. Незвестная до Д. внешняя свобода оды потребовала качественно нового лирического напряжения, достигаемого Д. непревзойденной серьезностью и страстностью тона. Все это дало новое звучание рус. поэзии.

Всеобщее признание Д. как первого поэта России пришло вместе с одой «Фелица», напечатанной без ведома поэта в «Собеседнике любителей русского слова» (1783. № 1; с поощрения Е. Р. Дашковой Д. становится постоянным автором этого журнала). В «Фелице» Д. дал образец «забавим го слога», показал искусство легко и изящно говорить стихами, до него только осваиваемое рус. поэзией, открыл игру литературной маски, принципиально не равной поэту (носящей в «Фелице» собирательные черты современных Д. вельмож). По словам О. П. Козодавлева, «у каждого, умеющего читать по-русски, очутилась она [«Фелица»] в руках». Д. был пожалован золотой табакеркой с 500 червонцами и был взят императрицей «на замечание». Однако ревность к славе Д. настроила против поэта А. А. Вяземского, из-за чего Д. был вынужден подать в отставку и 15 февраля 1784 был уволен с чином д. стат. сов. В марте 1784 Д. была написана ода «Бог» («Собеседник», 1784, апрель; впервые с указанием своего авторства; 1792 — два отд. изд.). Восходя к распространенному в нем. поэзии жанру теодицеи, ода Д. переросла обычную для этих стихов тему. Космическое изображение Божьего Величия сочетается в ней с мучительным поиском места человека во вселенной и спасительным для него познанием Бога. Ода «Бог» стала первым рус. произведением, получившим широкую европейскую известность (переведена на большую часть европейских яз., а также на японский).

С мая 1784 Д. — олонекский губернатор. В декабре 1785 из-за столкновений с олонекским наместником переведен губернатором в Тамбов, куда прибыл в марте 1786. За два с

небольшим года управления Д. в городе и губернии открыты 9 народных школ, театр и типография, построены сиротский дом, богадельня, острог. Однако наместник края И. В. Гудович обвинил Д. в злоупотреблении властью. 21 сент. 1788 Сенат постановил отдать Д. под суд, но благодаря пущенным в ход личным связям 4 июня 1789 дело Д. было в Сенате пересмотрено, и он признан невиновным. Такому решению способствовала Екатерина II, давшая Д. летом 1789 две аудиенции. Для получения нового места 22 сентября 1789 Д. передал во дворец оду «Изображение Фелицы», разочаровавшую императрицу своей традиционностью.

Отставленный от дел, Д. живет в СПб. Его дом (принадлежал Российской Академии, наб. р. Фонтанки, на месте современного дома № 112) становится литературным центром. Здесь постоянно бывали Д. И. Фонвизин, Львов, Вельяминов, Капнист, М. Н. Муравьев (дружба с ним Д. восходит к 1770-м), А. Н. Оленин и И. Ф. Богданович. Здесь летом 1790 состоялось знакомство Д. с И. И. Дмитриевым и через него с Н. М. Карамзиным, пригласившим Д. к участию в «Московском журнале». На страницах журнала Карамзина наряду с одами появляются стихотворения «К Эвтерпе», «Прогулка в Саарском селе», «Анакреон в собрании».

12 декабря 1791 Д. назначен статс-секретарем Екатерины II для наблюдения за законностью решений Сената. Разочаровавшись скоро в «своем высоком прежнем идеале», Д. уже не хотел более воспевать императрицу, усердие в делах Д. разочаровало в свою очередь Екатерину II. 2 сентября 1793 Д. в чине тайн. сов. назначен сенатором при Межевой экспедиции, а в январе 1794 — президентом Коммерц-коллегии.

15 июля 1794 умерла жена Д., воспетая им под именем Пленеры. 31 января 1795 Д. женится вторично на Дарье Алексеевне Дьяковой. Этот год стал для Д. временем подведения итогов творчества. Попытка осуществить издание своих од Д. не удалась из-за усмотренных в поднесенной императрице рукописной книге будто бы якобинских намеков (в 1798 при участии Я. И. Шувалова, Карамзина и М. М. Хераскова изданы не удовлетворившие Д. «Сочинения», ч. 1). Прощанием Д. с государственной одой стала ода «Памятник» (Приятное и полезное препровождение времени. 1795, июль). А вскоре в стихотворениях «Храповицкому» (1797) и «Клире» (1797) прозвучал отказ от официальной поэзии. В течение 8 лет Д. создает главным образом анакреонтические оды, составившие книгу «Анакреонтических песен» (1804).

В этот период Д. достигает своих высших должностей. Павел I назначает его присутствующим в Комиссию законов (02.04.1800), президентом возобновленной Коммерц-коллегии (30.08.1800), государственным казначеем (22.11.1800), членом 1-го департамента Сената (25.11.1800), производит в д. тайн. сов. (14.07.1800). Уволенный в первый день царствования Александра I от всех должностей, Д. за оду «На восшествие на престол императора Александра!» пожалован перстнем, а 8 сентября 1802, при учреждении министерств, назначен министром юстиции и членом Государственного совета, но 7 октября 1803 уволен в отставку за «очень ревностную службу».

С 1803 в собственном доме Д. (ныне наб. р. Фонтанки, 118, отделан по эскизам Львова в 1791-1793, перестроен в кон. 1790-х) воспитываются племянники Дарьи Алексеевны, оставшиеся сиротами после смерти Львова, часто гостят у Державиных зимой в СПб и летом в имении Званка (дом куплен в 1797) племянники Капнисты. Дом Державиных славится своей открытостью, спектаклями, концертами, театральными играми. Возможно, под влиянием общего увлечения театром, Д. ок. 1803 обратился к драме, экспериментируя в разных драматических и мелодраматических жанрах (трагедия, опера, комическая опера и др.) и придавая этим опытам большое значение. Успеха, однако, его пьесы не имели.

Примерно с 1804 вокруг Д. начинает складываться новое литературное общество, с регулярными вечерами. При деятельном участии А. С. Шишкова оно, несколько изменив своему первоначальному характеру, оформляется к 1811 в «Беседу любителей русского слова». Для ежемесячных заседаний, происходивших в подчеркнуто торжественной обстановке, поэт предоставил обширную залу своего дома и все расходы по обществу взял

на себя. Занимая по ряду вопросов особую позицию, Д. в 1809 приступил к созданию теоретического труда «Рассуждение о лирической поэзии», в работе над которым ему помогали митроп. Евгений (Болховитинов), П. Ю. Львов, Я. А. Галинковский и др. (ч. 1-3 опубл. в «Чтениях в Беседе любителей русского слова», 1811-1815). Из опасения быть непонятым новыми поколениями Д. составляет «Примечания на сочинения Державина» (1805) и «Объяснения на сочинения Державина» (1809-1810, относящиеся к выпущенным им в 1808 трем томам «Сочинений Державина»; т. 4 вышел в 1816). В 1812-1813 им написаны «Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина» (впервые изд. в 1860), остающиеся одним из основных источников сведений о жизни Д.

В развитии рус. поэзии творчество Д. сыграло роль связующего звена между поэзией XVIII и XIX вв. От предшествующей традиции Д. наследовал основные темы (прославление России, ее героев и связанную с ними тему бессмертия поэзии и поэта), изменившие, однако, под его пером свое звучание. Находясь более под впечатлением от действительности (общее с сентиментализмом), а не в плену абстрактных идеалов, Д. всякий раз решает эти темы заново, порой противореча самому себе. Поэзия Д. предстает поэтом как целое, исполненное движения и драматизма (черта романтизма), в котором отразилось развитие мировоззрения поэта, изменение оценок и взглядов, дававшееся Д. с большими муками. Все это стало результатом веяния новой эпохи, открывшей невиданную прежде изменчивость мира и человека, свидетелем и первым выразителем которой и стал Д. Отражая ее в своем творчестве, Д. стремился к обретению истины и устойчивости, и характерная для Д. дидактика (черта классицизма) окрашена противостоянием Времени. Оставшись уникальным, не похожим ни на кого поэтом, Д. сумел означить пространство будущей рус. поэзии и предугадать ее самоощущение. Надмирное видение Земли, человека, природы, присущее рус. поэзии (от М. Ю. Лермонтова до И. А. Бродского), испытано уже Д., воспринявшим из одической традиции (у Ломоносова) способность воспарять и развившим ее за счет своего, личного переживания горней и полета.

Основной корпус рукописей Д. хранится в Российской национальной библиотеке, большая их часть издана акад. Я. К. Гротом (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями. СПб., 1864-1883).

Лит.: За п а д о в А. В. Державин. М., 1958; За п а д о в В. А. Г. Р. Державин (Биография). М.; Л., 1965; С е р м а н И. З. Державин. Л., 1973; Г л и н к а Н. И. Державин в Петербурге. Л., 1985; Г р о т Я. К. Жизнь Державина. СПб., 1997.

Н. Ю. Алексеева

(Опубл.: Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. Осмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 1. СПб.-М., 2003. С. 307–310)